

Культурно-цивилизационное измерение политики Б.Обамы в отношении Северо-Восточной Азии: пролог к современной региональной архитектуре

Виталий Евгеньевич Болдырев,

кандидат исторических наук, старший научный сотрудник Центра глобальных и региональных исследований Института истории, археологии и этнографии народов Дальнего Востока ДВО РАН, Владивосток.

E-mail: boldyrev89@list.ru

Статья посвящена той роли культурно-цивилизационного измерения внешней политики США, какую оно сыграло в формировании современной региональной архитектуры Северо-Восточной Азии. В статье использован приём «системы координат», в соответствии с которым культурно-цивилизационное измерение обладает четырьмя осями: архетипами и факторами, практикой и опытом, образами других, течением времени. В центре исследования оказался курс Б. Обамы в отношении союзных Соединённым Штатам Японии и Южной Кореи, поскольку именно в период его президентства были заложены идеалистические основы последовавшей региональной трансформации. В течение 2009—2012 гг. основная цель американского курса состояла в том, чтобы сформировать системную политику касательно каждой из этих стран. Курс в отношении РК был проработан глубже, поскольку опирался на ряд культурно-цивилизационных факторов, практический опыт, образ КНДР как образ другого и обладал вектором приложения усилий. В отношении Японии политика была лишена подобной системности, так как культурно-цивилизационные интерпретации экономического и военно-политического взаимодействия существовали автономно друг от друга. Если первая из них отличалась системной проработкой, то вторая характеризовалась совокупностью отдельных элементов. Для повышения эффективности курса в течение второго президентского срока на роль экономического и военно-политического другого был выбран Китай. Кроме того, США провозгласили политику тихоокеанской мечты, в соответствии с которой началось построение американского пространства в АТР и СВА на основе критерия соответствия американским

правилам в военно-политической, экономической и гуманитарной сферах. Этот процесс сопровождался передачей отдельных «цивилизаторских» функций США их союзникам. Результатом такой политики стало разделение Северо-Восточной Азии на американское пространство, представленное США, Японией и РК, и враждебных других в лице Китая и КНДР.

Ключевые слова: США, Северо-Восточная Азия, Япония, Республика Корея, внешняя политика, культура, цивилизация, архетипы, другие.

**The Cultural and Civilizational Dimension
of Barack Obama's Policy towards Northeast Asia:
A Prologue to Contemporary Regional Architecture.**

Vitaliy Boldyrev, Institute of History, Archaeology and Ethnology of the Peoples of the Far East, FEB RAS, Vladivostok, Russia. E-mail: boldyrev89@list.ru.

The paper is devoted to the role of the cultural and civilizational dimension of U.S. foreign policy and its impact on the formation of the contemporary regional architecture of Northeast Asia. The author uses the “coordinate system” approach according to which the cultural and civilizational dimension has four axes: archetypes and factors, practice and experience, image of others and the flow of time. The focus of the research is B. Obama's policy towards the U.S. allies Japan and South Korea as it was during his presidency that the idealistic foundations for the subsequent regional transformation were laid. Between 2009 and 2012, the main goal of the policy was to form a systematic approach towards each of these countries. The policy towards South Korea was better developed as it was based on a range of cultural and civilizational factors, practical experience, the image of North Korea as the “other” and had a clear direction for efforts. In contrast, the policy towards Japan lacked such system as cultural and civilizational interpretations of economic and military-political partnerships were autonomous. While the first interpretation was thoroughly elaborated, the second one was characterized by a set of separate elements. In order to increase the effectiveness of the policy during the second presidential term, China was chosen as the economic and military-political “other”. Moreover, the USA declared the policy of the Pacific Dream, which led to the creation of the American space in the Asia-Pacific region and Northeast Asia based on criteria of correspondence to American rules in military-political, economic and humanitarian fields. The process involved transferring certain U.S. “civilizing” functions to its allies. The result of such policy was the division of Northeast Asia into the American space represented by the USA, Japan and South Korea and hostile “others” represented by China and North Korea.

Keywords: USA, Northeast Asia, Japan, Republic of Korea, foreign policy, culture, civilization, archetypes, others.

В отечественной традиции изучения Соединённых Штатов проблема глубинных культурных оснований, которые направляют практическую деятельность американцев и с которыми они сверяют свои действия, заняла незначительное место, если сравнивать количество соответствующих исследований с тем объёмом работ, что посвящены текущим политическим проблемам США. В советский период были обозначены два направления московской школы. Первое было тесно связано с идейным фундаментом американской внешней политики [12]. В условиях возобновившегося американо-российского противостояния такой подход вновь оказался востребованным с той важной оговоркой, что теперь необходимо не просто изучение эволюции идей, а реконструкция системы координат, с которой можно было бы сверять вектор американского развития с учётом мирового контекста [2]. Второе направление было обозначено монографией К.С. Гаджиева, где он обратился к ключевым культурно-цивилизационным факторам, определявшим американское внешнеполитическое мышление [6]. Эта мысль была развита В.В. Согриным, который предпринял попытку выявить матрицу архетипов и цивилизационных факторов [10].

Второе направление московской школы, с одной стороны, следовало принятому с 1970-х гг. в американской науке пониманию США как самостоятельного культурного феномена англосаксонского мира (приводится по: [16]), с другой — признавало наличие у культуры не только индивидуального и сознательного измерений, но и коллективного и бессознательного. Здесь они опирались на фундаментальное наследие К.Г. Юнга.

Ключевым термином в его работах был архетип. Под ним понимаются наиболее ранние элементы коллективного бессознательного, универсальные образы, символические фигуры в их первоначальном представлении о мире. Они трансформируются в осознаваемые формулы, с помощью которых выражаются коллективные содержания, берущие начало в бессознательном, возникают на этнологическом уровне как мифы и обнаруживаются в каждом индивидуе [13, с. 9—10, 86]. Влияние архетипов на жизнь общества в разных её сферах, включая политику, проявляется посредством их функциональных характеристик. К.Г. Юнг выделял следующие из них: модель неосознанного поведения, трансформация образа при переносе из мира идеального в мир реального окружения, формирование бессознательной идентичности для вовлекаемой в процесс массы, сознательная переработка в ходе исторического развития, воспроизводимость архетипических моделей в процессе исторического развития [13, с. 10, 57—62, 153].

В.В. Согрин выделил следующие архетипы США как локальной цивилизации, а если следовать К.Г. Юнгу, архетипы американцев как этнологической общности, скреплённой моделями неосознанного восприятия действительности и себя в ней [13, с. 86—87]:

либерально-капиталистический индивидуализм, англосаксонский архетип, позднее ограниченный образами плавильного котла и возникшей в период мультикультурализма салатницы, подвижный фронт, имперский мессианизм, восходящий к образу града на холме [10].

Последняя на данный момент попытка реконструировать культурно-цивилизационную систему координат принадлежит петербургскому исследователю И. Курилле: ему удалось показать её многомерность, неоднородность и взаимосвязанность [8]. Первая ось представлена архетипами, цивилизационными факторами и фундаментальными представлениями американской цивилизации, в числе которых град на холме, исключительность, вера в цивилизаторскую миссию, фронт, образ евразийской силы. Правда, их следует дополнить либерально-капиталистическим индивидуализмом и англосаксонским архетипом, выведенными В.В. Согринным. Вторая ось представлена опытом и практикой, которые связаны с обеспечением безопасности за счёт других, силой примера, бинарностью мышления, морально-ценностным измерением внешней политики, практическим использованием образа внешней угрозы, адаптируемыми мыслительными клише, языковыми формулами. Третья ось касается образов других. Четвёртая ось связана с течением культурно-цивилизационного времени. С одной стороны, временной процесс здесь связывается с достижением целевого образа, которым являются идеализированные представления о Римской республике как образце устройства общества, и с абстрактной формулировкой Т. Джефферсона о стремлении к счастью, которая ориентирует на желание постоянно улучшать страну. Тем самым в сфере идеального задавался строгий, заведомо известный результат политики, а также изменчивость, вариативность практик и инструментов для его достижения.

Последнее указывает, что культурно-цивилизационные основания американской политики представляют собой сложное переплетение различных аспектов, которые в той или иной степени формируют сферу идеального. Их влияние на практику явственнее всего прослеживается в форме дискурса, самого простого, лишённого концептуально-теоретических основ уровня нарратива, который тем не менее используется правительством для влияния на другие государства и для достижения своих политических целей. Чтобы обосновать проводимую политику, элита формирует множество историй [7, с. 12, 108—109, 422—424]. Некоторые из этих историй могут обслуживать сравнительно узкие внешнеполитические проблемы, иные же связаны с долгосрочными тенденциями мира материального, которые обретают всё большую культурно-цивилизационную окраску. Именно последние вопросы и направления политики правительство США считает краеугольными для формирования такого пространства, в котором оно будет чувствовать себя

комфортно не только с позиции текущих интересов, но и с позиции цивилизационного существования Соединённых Штатов.

Соответственно, цель настоящего исследования состоит в том, чтобы проанализировать роль культурно-цивилизационного измерения американской политики, какую оно сыграло, заложив основы современной региональной архитектуры Северо-Восточной Азии (СВА). Его задачи состоят в том, чтобы исследовать курс США в отношении союзников, выделив хронологические этапы и пути эволюции, соотнеся курс с системой культурно-цивилизационных координат, идентифицировав специфические шаги по построению американского пространства в регионе.

КУЛЬТУРНО-ЦИВИЛИЗАЦИОННОЕ ИЗМЕРЕНИЕ КУРСА В ОТНОШЕНИИ ЯПОНИИ (2009—2012)

В период правления Б. Обамы в контексте курса в отношении союзников программной стала речь о тихоокеанской мечте госсекретаря Дж. Керри в Токио в 2013 г., в которой культурно-цивилизационная составляющая была раскрыта наиболее полно [37]. Она была произнесена лишь на пятом году президентства Б. Обамы — это факт, указывающий, что именно данный аспект политики 44-го президента формировался труднее всего и обладал сложной динамикой.

Ранее всего к культурно-цивилизационному измерению обратилась Х. Клинтон во время своего первого визита в Японию. Она назвала американо-японский альянс партнёрством, основанием которого всегда будет приверженность «разделяемой нами безопасности и процветанию» [34]. Этот пассаж указывал, что для Вашингтона роль союзника является первостепенной в определении внешнеполитических приоритетов, поскольку именно в контексте внешнеполитических вопросов госсекретарь использовала адаптируемые для разных ситуаций словесные клише. Уточнение о «разделяемой нами безопасности» указывало, что в США видят Японию надёжным элементом своей военно-политической империи, однако новое правительство ещё не определилось, в отношении какой страны должно быть направлено это сотрудничество. С одной стороны, присутствует упоминание слова «безопасность», что свидетельствует о намерениях Вашингтона следовать традиционной модели её обеспечения через создание угрозы соседнему для себя или для союзника государству. С другой стороны, в выступлении отсутствует страновой контекст: правительство только приступило к работе и не произвело достаточного массива документов, что позволяет говорить об отсутствии конкретной страны, которая могла бы претендовать на место другого в усилиях по укреплению альянса. История XX в. демонстрирует, что в наиболее фундаментальном

измерении на него в американских представлениях претендует угрожающая евразийская сила, подобно кайзеровской [8, с. 158] или фашистской Германии, Советскому Союзу [23], однако в начале XXI в., особенно в условиях подготовки вывода войск из Ирака, а также с учётом проблемы передислокации американских военных, расквартированных в Японии, правительство США оказалось фрустрированным, вследствие чего сделало ставку на использование практических культурно-цивилизационных инструментов, а не на создание образов или на системные усилия.

Вторым словом, упомянутым Х. Клинтон, было «процветание». Как показывает контекст её интервью газете «Глобал Таймс», оно прочно связывается с динамичным и инновационным развитием США, обеспечивающим устойчивость и разнообразие, демонстрирующим пример успеха [19]. Исследование И.М. Супоницкой позволяет судить, что успех в цивилизационных координатах США отождествляется с индивидуальным трудовым и предпринимательским вкладом в развитие, посредством которого обеспечивались эффективная рыночная экономика и личная свобода [11, с. 247—248]. В.В. Согрин такое понимание успеха связывает с либерально-капиталистическим индивидуализмом как основополагающим цивилизационным фактором Соединённых Штатов [10]. Отсюда вытекает другое публичное заключение Х. Клинтон: быть оптимистом — значит быть свободным, и это позволит решить любую проблему, если приступать к делу с верой, мотивацией и усердно трудиться [33]. Это подводит к тому, что второй фундаментальной скрепой Вашингтона и Токио правительство Б. Обамы мыслило либеральную экономику, при этом, в его понимании, в отличие от первостепенной военной она обеспечивалась не только за счёт практики, но и за счёт прочных культурно-цивилизационных оснований, что делало её более фундаментальной, последовательной, менее подверженной международной конъюнктуре. Более того, второе заключение госсекретаря указывает на то, что правительство уже в первый месяц своей работы стремилось найти цель для внешнеэкономической политики, чтобы обеспечить динамику курса, чего пока не наблюдалось в военной сфере.

Однако уже в заявлении по случаю победы Демократической партии Японии (ДПЯ) было обозначено, что американо-японское сотрудничество является ключевым для достижения мира и стабильности в АТР, а стороны будут тесно сотрудничать друг с другом ради достижения безъядерного Корейского полуострова [26]. Это несло в себе потенциал превращения КНДР в другого, чей образ будет использоваться для укрепления военно-политических отношений. За счёт создания угрозы в отношении этой страны предполагалось обеспечить безопасность США и Японии. В организационном плане это указывало на стремление правительства придать культурно-цивилизационному измерению военной

политики системный характер, поскольку соответствующая практика была дополнена целью, то есть обрела динамическое измерение, и велись попытки сконструировать образ другого для большего укрепления альянса.

В дальнейшем Вашингтон в контексте общности Соединённых Штатов и Японии называл их альянс краеугольным для американского вовлечения в регион и столпом азиатско-тихоокеанской безопасности, поскольку он основывался на общей приверженности демократии, концепции господства права и универсальным правам человека [32]. Этот пассаж также относится к языковым клише, которые являются универсальными для политического языка США, что ещё раз подтверждает: к началу 2010 г. культурно-цивилизационные элементы, пришедшие из практики, оставались ключевыми для военной политики Соединённых Штатов в отношении Японии.

Однако уже в марте 2010 г. было предложено более структурированное видение американо-японского альянса, который «играет незаменимую роль в обеспечении безопасности и процветания США и Японии, а также мира и стабильности в регионе» [46]. По мнению правительства Б. Обамы, этот краеугольный камень стал результатом видения американских политиков в период после Второй мировой войны, которые осознали важность строительства сильных партнёрств с демократическими, рыночными экономиками, чтобы встретить вызовы второй половины XX в., исходившие и от бывших американских союзников, и от бывших американских противников. В результате этот военно-политический союз помог не только защитить (*secure*) мир и процветание США и Японии, но и создать условия, приведшие Восточную Азию к процветанию [46].

Иными словами, выступая перед Конгрессом, представитель Государственного департамента Дж. Р. Донован воссоздал идеальную картину для существования американо-японского военно-политического союза. Поиск образца для политической конструкции современности в прошлом является нормой для мышления в США [8, с. 39—41]. В данном случае образцом для альянса Соединённых Штатов и Японии, который необходимо было достичь в будущем, стал альянс этих стран времён холодной войны. То есть необходимым условием для его существования являлся оппонент, за счёт создания военной и экономической угрозы которому можно обеспечить безопасность и хозяйственное развитие США и Японии. КНДР, которую Вашингтон мог выбрать на роль другого для укрепления военно-политического союза с Токио, не подходила: нужен был оппонент, близкий по своим масштабам к Советскому Союзу, его поиск следовало осуществлять среди всех стран АТР. Эта же позиция была подтверждена в ходе мероприятий, посвящённых 50-й годовщине американо-японского союза [21].

Таким образом, на пути формирования программной культурно-цивилизационной интерпретации АТР и места Японии

как американского союзника в нём правительство Б. Обамы придерживалось следующих линий. Очень быстро было представлено целостное цивилизационное видение экономической политики США — это указывало на то, что она обеспечивает стабильность отношений двух стран на глубинном уровне. Были определены её элементы, связанные с фундаментальными основаниями, пониманием практики и целью, задающей динамику. А вот о военной политике, которую формально Вашингтон ставил на первое место, этого сказать нельзя. В первый год большую роль играла интерпретация практических шагов с помощью универсальных адаптируемых языковых клише, в 2010 г. возникло понимание, какой характер должно приобрести системное культурно-цивилизационное видение. Хотя культурно-цивилизационные элементы, связанные с политической практикой, по-прежнему доминировали, сформировались общие контуры образа будущего оппонента, была определена цель, обеспечивавшая динамику развития альянса.

КУЛЬТУРНО-ЦИВИЛИЗАЦИОННОЕ ИЗМЕРЕНИЕ КУРСА В ОТНОШЕНИИ РК (2009—2012)

По-иному формировались цивилизационные основы курса в отношении Республики Корея. Во многом этот процесс облегчало положение на Корейском полуострове, доставшееся в наследство от эпохи холодной войны, в период которой нормальным был дуализм, предлагавший общие клише «хорошие — плохие», «чёрное — белое». Как отмечает И. Курилла, квинтэссенция этих представлений пришлась на рейгановскую консервативную волну: они выбрали религиозные истоки мышления, представления об уникальности американской республики, приверженность американской либеральной миссии в мире [8, с. 235, 243]. В контексте данного исследования необходимо также обратить внимание на то, что именно период президентства Р. Рейгана и идеи, с ним связанные, стали стартом для исторического периода США, на который пришлось президентство Б. Обамы. Соответственно, он не мог избежать влияния этих упрощённых бинарных представлений, тем более что с 1990-х гг. место СССР и его союзников занимают авторитарные в американском понимании режимы, с которыми борются сторонники демократии. Именно это, как указывал И. Курилла, стало маркером сохранявшейся модели мышления периода биполярного противостояния [8, с. 266—270].

Существование КНДР удачно подходило под все перечисленные параметры, а её прежние союзнические отношения с Советским Союзом делали применение к ней данных мыслительных клише ещё более простым. Об этом свидетельствует текст совместного пресс-брифинга Х. Клинтон и министра иностранных дел РК Ю Мён Хвана

в ходе первого визита госсекретаря в Сеул. Она, характеризуя обстановку на Корейском полуострове в контексте шестисторонних переговоров, противопоставила образ Республики Корея как достигшей демократии и процветания страны тирании и бедности, существующим к северу от границы [35]. Контекст эксплуатации дуалистических образов в данном случае и в иных выступлениях Х. Клинтон, анализированных выше, позволяет заключить следующее. Ею была построена антитеза хорошей демократии и плохой тирании, успеха рыночной экономики и провала иной хозяйственной модели. Тем самым создавался образ другого для США и Южной Кореи, способный поддержать их союз, так как подобные образы были нормой для сверхдержавной внешней политики Соединённых Штатов, а усилия Х. Клинтон укладывались в постоянные поиски нового угрожающего другого, который должен был заместить Советский Союз и социалистический лагерь в американских внешнеполитических представлениях в постбиполярном мире¹. Примечательным в этом сравнении было то, что в нём не упомянута КНДР как страна или государство, а обозначено лишь географическое направление за границей (*border*) РК. Это свидетельствовало, что правительство Б. Обамы не собиралось воспринимать КНДР как полноценного участника международных отношений, скорее, оно видело её территорию как географический вектор приложения внешнеполитических усилий.

В целом такое положение указывало, что культурно-цивилизационные координаты внешнего курса на корейском направлении изначально носили более системный характер, чем на японском. Во-первых, была прочерчена связь с имперским мессианизмом как цивилизационным фактором, о чём свидетельствовал пассаж о рыночных и демократических успехах РК, которые были противопоставлены неудаче северокорейского опыта, уходившего корнями в традиционные корейские и восточноазиатские представления, но имевшего внешнюю социалистическую оболочку. Во-вторых, речь Х. Клинтон строго следовала одному из практических клише внешней политики, а именно упрощённому дуальному мышлению. В-третьих, здесь Вашингтон сразу построил образ другого. В-четвёртых, обозначался вектор для приложения усилий.

Также выступление Х. Клинтон подразумевало два направления, в рамках которых будут использоваться цивилизационные внешнеполитические элементы в отношении Республики Корея, — экономическое и военно-политическое, причём, как указывает проведённое наложение этих элементов на систему координат, доминирующим было последнее. В то же время следует признать, что разделить их весьма проблематично, так как подчас они оказывались прочно связанными в американском мировосприятии.

¹ Подробнее см.: [8, с. 232—233, 263—264, 275].

Следующее обращение к культурно-цивилизационным основаниям имело место в заявлении Госдепартамента в связи с потоплением корвета «Чхонан». В частности, оно содержало следующий пассаж: «путь, способный привести Северную Корею к безопасности и процветанию, это прекращение провокаций, политики угроз и воинственности в отношении соседей» [25]. С учётом того, что КНДР изначально отводилась роль другого, чей образ укрепляет американо-южнокорейский альянс, безопасность на Корейском полуострове, согласно многовековой практике США, можно было обеспечить, только создав угрозу Северной Корее. Иными словами, использованные здесь адаптируемые речевые клише свидетельствовали: Вашингтон считал необходимым, чтобы Пхеньян безоговорочно согласился принять американскую позицию в отношении Корейского полуострова. Одновременно таким пассажем Сеулу демонстрировалась нерушимость военно-политического союза.

Этот образ внешнеполитического мышления был подтверждён в ходе визита Х. Клинтон в Сеул в июле 2010 г. Делая заявление для прессы, госсекретарь характеризовала размещение американских военных в РК и последовавшее сотрудничество двух стран как 60-летнюю совместную борьбу американского и южнокорейского народа в военное время и ради построения непростого мира (*peace*) посредством демократического транзита и открытого рынка. Этой интерпретации истории противопоставлялась Северная Корея, которая вовлечена в ядерное распространение, прибегает к незаконным действиям в нарушении резолюций Совета безопасности ООН, дестабилизирует обстановку, осуществляет провокации, к примеру, потопление корвета «Чхонан» [24]. Этим самым прежде абстрактные культурно-цивилизационные образы, понятные для американцев, связывались с исторической и текущей действительностью, осязаемой южнокорейцами, что превращало культурно-цивилизационную составляющую внешней политики не только в фундамент мышления и практики, но и в инструмент глубинного укрепления союзнических отношений.

Несмотря на логичность действий Вашингтона на южнокорейском направлении, нельзя не заметить, что лейтмотивом было противопоставление КНДР, а не поиск общности между Соединёнными Штатами и Республикой Корея. Определённые изменения произошли в 2011 г., когда во внешнеполитическую и дипломатическую повестку двусторонних отношений входит Соглашение о свободной торговле (КОРУС). К. Стефенс, посол США в РК, характеризовала его как приверженность к открытию рынков, продвижение свободной торговли таким образом, чтобы от неё выгоду получали все страны, что определённо делает это соглашение частью игры, от которой выигрывают все (*win-win*) [40].

Чтобы понять смысл заявления посла, обратимся к трансформации, какую пережил фактор подвижного фронта в консервативном

сознании на рубеже 1960—1970-х гг., когда сильно возросла роль внешней торговли для США [3, с. 342—364]. С этого времени представители либертарианства, направления американского консерватизма, считали, что смысл одного из уроков экономического успеха Америки состоит в важности географического пространства, в пределах которого торговля может протекать свободно [4, с. 324]. Несмотря на разногласия между либертарианцами и неоконсерваторами, которые пришли к власти вместе с Р. Рейганом, и умеренными консерваторами, которых представляли Дж. Буш и его сторонники, эти идеи были восприняты правящими группировками консерваторов. Так, в 1987 г. госсекретарь Дж. Шульц заявил, что интересам США отвечает пространство, в пределах которого действуют нормы и принципы свободной торговли, благодаря чему выигрывают все участники (*win-win*) [14, р. 512]. А в конце 1991 г. госсекретарь Дж. Бейкер писал, что в конце XX — начале XXI в. Тихоокеанский регион для Америки будет аналогом западных земель времён их освоения: «Подобно тому, как в XIX в. направление нашей экспансии и влияния на Американском Западе было определено телеграфными линиями и железными дорогами, в наши дни инфраструктурные связи, которые мы прокладываем через Тихий океан, сформируют экономический и политический характер региона и американские связи с ним» [15, р. 5].

Таким образом, во внешнеполитическом мировоззрении Вашингтона на Тихом океане в постбиполярную эпоху подвижный фронт чётко был связан с границей, в пределах которой реализована свободная торговля и действуют рыночные экономические силы. В этом контексте ратификация соглашения КОРУС превращала Республику Корея в составную часть американского пространства, или, говоря обыденным языком, укрепляла общность Вашингтона и Сеула.

Впоследствии были конкретизированы роли военно-политического альянса и торгового соглашения: второе создаёт возможности, а первый защищает мир и процветание [36]. Любое упоминание американцами слова «возможности» В.В. Согрин связывает с понятием «равенство возможностей», которое вытекает из либерально-капиталистического индивидуализма и предполагает, что при наличии свободы и индивидуальной активности (иными словами, заряженности на успех) будут достигнуты неравные результаты. Оно предполагало неравенство, подкреплённое экономическим развитием [10]. С учётом этого пространство на Тихом океане понималось в Вашингтоне как единое, организованное в соответствии с американскими представлениями, где США должны иметь экономическое преимущество. О последнем свидетельствуют ограничения, установленные для южнокорейских производителей в рамках соглашения КОРУС, с которыми Сеул согласился [18].

В дальнейшем, перед программным выступлением о тихоокеанской мечте, представители американской исполнительной власти только один раз обращались к культурно-цивилизационному фундаменту США, когда во время визита в РК в марте 2012 г. Б. Обама назвал демилитаризованную зону (ДМЗ) фронтиром свободы [41]. Исследуя феномен свободы во внешнеполитической риторике Соединённых Штатов, И. Курилла выявил его прочные связи с дуалистическим пониманием мира, уходящим своими корнями в протестантизм [8, с. 218], который с приходом Р. Рейгана оказывал значительное влияние на внешнеполитическое мировоззрение и мировосприятие американских политиков. Иными словами, земли, лежащие к северу от ДМЗ, то есть КНДР, воспринимались как пространство, где общественные отношения организованы не по американскому принципу. Если провести здесь параллели с доктриной Трумэна, то эти отношения воспринимались неестественными, искусственно привнесёнными коммунистами извне [8, с. 216—220]. Упоминание фронта, подвижной границы предполагало, что на северокорейскую территорию необходимо распространить американскую экономическую и политическую организацию общества. Таким образом, Б. Обама «пробрасывал мостик» не только к традиционному после Второй мировой войны бинарному делению мира, не только к идеям Т. Рузвельта, который провозгласил Тихий океан зоной активной политики и фактически продолжением американского фронта, но и к наиболее архаичному представлению американцев о том, как подвижный фронт можно распространить за пределы США. И. Курилла обозначил эти представления «цивилизаторской» миссией, которая предполагала, что «туземцев» можно «цивилизовать», не только обратив их в христиан, но и обучив их пользоваться американскими технологиями и техническими достижениями. Впервые такие подходы были реализованы в отношении стран СВА в середине — второй половине XIX в. [8, с. 76, 141]. Таким образом, северокорейское пространство рисовалось как населённое безграмотными варварами, которых продвинутые американцы и совершившие при их содействии скачок в собственном развитии южнокорейцы должны были «цивилизовать», познакомив с техническими достижениями американского мира, демократической организацией общества, рыночной экономикой.

В остальных же публичных заявлениях, которые касались Корейского полуострова и были сделаны до программной речи о тихоокеанской мечте, официальные лица США использовали только адаптивные речевые клише, включавшие слова «мир», «стабильность», «безопасность», «процветание». С учётом системности и глубины проработки культурно-цивилизационного измерения курса США на корейском направлении эти клише можно считать маркерами

того, что правительство Б. Обамы считало более приоритетным осуществление мировоззренческих идей на практике. На это указывало сопутствовавшее появление пассажей о господстве права и обеспечении прав человека в публичных заявлениях [20; 42; 45].

В целом культурно-цивилизационное измерение курса Б. Обамы в отношении РК и Корейского полуострова было более системно и глубоко проработано в сравнении с японским направлением. Об этом говорит то, что в 2009—2012 гг. политика была чётко привязана к нескольким культурно-цивилизационным факторам, определявшим политику США на Тихом океане в течение всего исторического периода, на который пришлось президентство Б. Обамы, при этом своими корнями эти факторы уходили в практику, относившуюся не только ко времени начала холодной войны, но и к середине XIX в., что свидетельствует о прочной укоренённости основы курса в ту часть американского внешнеполитического мировидения, которая определяет практику. Для политики был характерен образ другого, а также вектор приложения усилий политики. Иными словами, присутствовали все четыре культурно-цивилизационных измерения внешней политики, и потому можно заключить, что в 2012 г. политика Б. Обамы в контексте данного аспекта окончательно обрела целостность.

СОЮЗНИКИ США И ПОЛИТИКА ТИХООКЕАНСКОЙ МЕЧТЫ

Отсутствие подобной целостности на японском направлении и необходимость привести культурно-цивилизационное измерение курса в отношении союзников к системности и единообразию стали первой причиной, по которой программная речь была произнесена в Токио. Это в свою очередь позволяет обнаружить вторую причину, по которой программная речь была произнесена только в 2013 г. Вплоть до 2012 г. американское правительство надеялось вовлечь Китай в орбиту американского мира. Однако с 2012 г. начинают формироваться предпосылки для превращения КНР в другого, враждебного американскому миру, а критерием различения было выбрано хозяйство, основанное на высокой роли государства, которое противопоставлялось рыночной экономике американского образца [44]. Впоследствии мерилом выступил и критерий свободного американского Интернета, который противостоял Интернету в Китае, управляемому государством [22]. Наконец, предпринятые попытки использовать образ КНДР как враждебного другого, чтобы выстроить военно-политические отношения с Филиппинами, Таиландом и Австралией, оказались малоэффективными.

Композиционно программная речь была необычной, выбивавшейся из общего ряда внешнеполитических выступлений. Сначала

госсекретарь Дж. Керри перечислил привычные языковые клише, которые многократно повторялись в публичных выступлениях, касавшихся политики в отношении стран СВА.

Далее он обозначил цель, к которой необходимо стремиться не только Соединённым Штатам, но и их союзникам и партнёрам. Под ней понималось повсеместное распространение американских ценностей. Они, по замыслу Вашингтона, должны были стать фундаментом новой эры сотрудничества, которое регулируется ясными правилами данного пути [37]. С учётом контекста региональной политики эти слова означали, что конечной целью усилий США вместе с союзниками и партнёрами мыслится взаимодействие между странами и внутри стран на основе американских норм, а правила выступают мерилom, насколько то или иное действие внутри какого-либо государства или на международной арене соответствует американским ценностям. Именно здесь закладывался механизм исключения лишних², то есть наложения ограничений на взаимодействие с теми, кто своим образом жизни и мысли не соответствует американским стандартам. Иными словами, речь шла об объединении не всех стран региона под эгидой американских норм, но лишь тех, которые эти нормы принимали, а само принятие удовлетворяло Вашингтон. Оставшимся отводилась роль другого, чей образ можно было использовать для сплочения участников пространства, выстроенного на американских ценностях. Именно в этом заключалась тихоокеанская мечта Б. Обамы.

Как можно судить по тексту речи, под правилами его правительство понимало не только соответствие американским идеалистическим стандартам, что является элементом взаимодействия с внешним миром на протяжении всей истории США, но и способность к взаимодействию, приносящему выгоду всем его участникам.

Практически реализовать тихоокеанскую мечту предполагалось в трёх сферах. Первой из них было укрепление военно-политических союзов на основе образов других. По состоянию на апрель 2013 г., когда была произнесена эта речь, ввиду более системных усилий на корейском направлении единственным таким другом оставалась Северная Корея, чей образ использовался Вашингтоном для сплочения альянсов с участием Японии, РК, Филиппин, Австралии и Таиланда, предпринимались усилия укрепить на этой основе отношения с Китаем. Второй сферой понималась экономика, создававшая процветание честных рынков, то есть открытых, прозрачных, поддающихся учёту. Именно эти идеи закладывались Вашингтоном в основу Транстихоокеанского партнёрства (ТТП). Третьей сферой выступали гуманитарные обмены, позволявшие жителям стран СВА и АТР лучше понимать американские ценности и образ взаимодействия [37].

² Подробнее о механизме исключения лишних см.: [8, с. 142—146].

Таким образом, второе правительство Б. Обамы намеревалось строить американскую сферу безопасности на основе проверенных механизмов исключения лишних, где ключевой мерой становилась приверженность американским ценностям, образу мышления и действий. Те, кто не соответствовал этим критериям, превращались в реального или потенциального другого, чей негативный образ, выписанный в дуалистических чёрно-белых тонах, использовался для укрепления альянсов, которые понимались светом, а их оппоненты — тьмой. Экономическое пространство должно быть построено на основе равенства возможностей и предполагало, что наиболее развитые его участники получают максимальную выгоду, а разрыв между ними и остальными будет увеличиваться. В этом заключался путь к обеспечению экономического доминирования США в АТР и СВА. Гуманитарное пространство прочно связывалось с имперским мессианизмом, только не жёстким, а мягким, предполагавшим просвещение союзников и партнёров через знакомство с американской культурой в широком смысле этого слова, через их приобщение к наиболее передовой, с точки зрения США, цивилизации.

Здесь же мы сталкиваемся с проявлением английского архетипа американской цивилизации в контексте политики Б. Обамы на Тихом океане. Впервые о наличии такого архетипа у американской цивилизации написал В.В. Согрин, однако он видел его связь только с внутренним обустройством США [10]. В свою очередь Е.А. Ларин указал на внешнее измерение архетипа, которое связано с построением неформальной экономической, торговой, финансовой и культурной империи. Главенство в этих измерениях позволяло обеспечить роль неформального, но сильного лидера, который опирался на сеть связей [5, с. 7]. Подобно тому, как Великобритания построила такую империю в Латинской Америке в XIX в., в 2010-х гг. Соединённые Штаты пытались воспроизвести этот опыт на Тихом океане, сделав ставку на ТТП. Целью было обеспечить доминирующее положение в важнейших процессах АТР и Восточной Азии. Различие заключалось в следующем: Лондон делал ставку исключительно на инструменты (кредиты, договоры, проектирование, поставки технологий и оборудования), а Вашингтон дополнил их критерием соответствия правилам, что, как замечал В. В. Овчинников, является неотъемлемым элементом, организующим повседневную жизнь англичан [9, с. 277—279]. Это указывает, что при планировании тихоокеанской политики Б. Обамы английский архетип проявился на уровне культурно-цивилизационных фундамента и практики, вектора приложения усилий.

Однако здесь нужно сделать оговорку — вспомнить, что США, представляя христианский мир, являются также и одним из самых молодых христианских государств, а значит, для их политического

сознания характерны наиболее архаичные формы и тесная связь с религией. В этом контексте правила становятся инструментом защиты порядка, восходящего к религиозному фундаменту общества [1, с. 356—357, 654]. Таким образом, распространившаяся при Б. Обаме формула «порядок, основанный на правилах» предполагает не только регламентацию взаимодействия, но и её сакрализацию, а отказ от следования этим правилам мог восприниматься в американской системе координат как вероотступничество. Иными словами, Вашингтон не просто последовал культурной логике материнской для Америки страны, но переосмыслил её сообразно своим цивилизационным координатам: правилам отводилась миссионерская функция просвещения азиатских стран, что соответствовало фактору имперского мессианизма и архетипу града на холме.

Иными словами, культурно-цивилизационное измерение политики второго правительства Б. Обамы в отношении стран СВА как составной части АТР было глубоко проработанным. Во-первых, политика опиралась на ряд фундаментальных архетипов и факторов американской цивилизации, которые обеспечивали американское доминирование в регионе. При этом данные основания были не только распределены между сферами курса, но и скреплены между собой. Во-вторых, к ним чётко привязывалась внешнеполитическая практика, описываемая с помощью культурно-цивилизационных образов действия и клише. В-третьих, чётко прописывались критерии для формирования образа другого, которые в зависимости от ситуации в будущем можно было применить к любой стране региона. В-четвёртых, была чётко обозначена цель движения, а также сформулированы критерии, определявшие характер этого движения.

В дальнейшем общий вектор движения был дополнен географическим. Так, СВА была обозначена ядром американского регионального пространства безопасности, а Япония — его краеугольным камнем. Опыт взаимодействия с ней США называли условием экстраординарного экономического роста, а сам опыт необходимо было распространить на другие страны Азии, в то время как исключительно для военной сферы перспективным пространством для распространения американско-японского опыта назывались страны Индийского океана [39]. Тем самым высвечивалась цивилизационно мотивированная пространственная организация Тихоокеанского региона в американских представлениях: США — ядро, Япония — ключевой союзник и краеугольный камень региональной архитектуры за пределами Соединённых Штатов, страны Азии — приоритетное пространство для распространения опыта американско-японского взаимодействия, страны Индийского океана — перспективное пространство для перенесения американско-японского военного взаимодействия. В свою очередь это свидетельствовало

о том, что произошла смычка культурно-цивилизационных основ и ведомственных интересов во внешнеполитическом планировании: стоявшая на экономических позициях администрация президента определяла курс в отношении АТР, военные, оппонировавшие ей, формировали приоритет в отношении союзников и индоокеанского пространства.

Расширение географического пространства, к которому должен был быть приложен цивилизационный вектор, требовало и поиск новых друзей. Эту нишу в 2014 г. окончательно занял Китай. Хотя он прямо не назван в текстах, в одну плоскость поставлены КНДР, которая уже являлась другим, и сила, нарушающая границы и применяющая военную силу при решении акваториальных споров в ВКМ и ЮКМ [43].

Наконец, меняется и понимание роли Японии в тихоокеанской политике. В условиях расширения географических рамок, в пределах которых не только Вашингтон, но и Токио проводили активную политику, на тот момент устраивавшую американскую сторону, правительство Б. Обамы пошло на передачу ряда культурно-цивилизационных функций США своему важнейшему союзнику. Во-первых, Японии отводилась функция создателя экономических стандартов для всего мира. Во-вторых, признавалась и её «цивилизаторская» миссия в самом архаичном смысле американских представлений. В Госдепартаменте считали, что подобно тому, как американцы цивилизовали японцев с помощью технических новшеств в прошлом, японцы смогут «цивилизовать» иной мир в настоящем [30]. Вероятнее всего, именно в этом кроется ключ к пониманию широкой внешнеполитической «автономии» правительства С. Абэ, на которую указывал Дж. Д. Браун [17]. Такое перераспределение цивилизационных функций в контексте активной дипломатии японского премьер-министра в отношении России указывает на то, что Вашингтон решил через союзника продемонстрировать Москве силу рыночного примера³, более успешного в понимании США, чем пример китайского госкапитализма. Тем самым предпринималась попытка сдерживать нового другого в азиатско-тихоокеанской политике Соединённых Штатов — Китай — с помощью России, которая вовлекалась в американскую орбиту не прямо, а через союзника-посредника.

Таким образом, программная речь, адресованная в первую очередь Японии, позволила придать цивилизационному измерению американской политики в этом направлении большую системность, конкретизировать вектор цивилизационного движения, определить характер этого движения, обозначить Японию как *alter ego* США. Изменилось и понимание географической структуры АТР

³ О силе примера в американской практике см.: [8, с. 86—87, 125—126].

в культурно-цивилизационном контексте, в которой были выделены пять сегментов сообразно значимости для Соединённых Штатов и их ведомственной вовлечённости (ядро, *alter ego*, прочие союзники, приоритетная сфера и перспективные пространства для распространения американского опыта), а также два других — КНДР и Китай — на противопоставлении которым Вашингтон пытался построить новую архитектуру региональных отношений в США.

В отношении Республики Корея в первые месяцы после программной речи, произнесённой в Японии, культурно-цивилизационное измерение внешней политики не претерпело существенных изменений: по-прежнему Вашингтон прибегал к привычным практическим шагам в виде адаптируемых речевых клише, место важнейшего другого в системе образов занимала КНДР. Единственным новшеством стали коммеморативные практики и связанные с ними пассажи в публичных выступлениях, но они были направлены на поддержание уже сложившейся системы культурно-цивилизационного измерения корейского курса США. Соответствующим примером стало посещение главой МИД РК Юн Бён Се Корейского мемориала на Национальном Молле во время визита в Вашингтон [38].

Содержание публичных выступлений меняется в 2015 г., когда помощник госсекретаря Д. Рассел упомянул, что к ключевым сферам, которые определяет будущее американо-южнокорейских отношений, относится совершенствование не только процветания, связанного с развитием рыночных экономических отношений, но и региональной архитектуры, от которой обе страны зависели [31]. Это указывало на то, что в понимании правительства Б. Обамы Республика Корея не только прочно вошла в американское пространство, но и была способна взять на себя функции, близкие или соотносимые с теми, какие США делегировали Японии. С учётом изменившегося восприятия последней Республика Корея в американском понимании также становилась страной с ограниченной «цивилизаторской» миссией.

Она была связана с изменениями повестки двустороннего альянса, расширение которой заместитель госсекретаря Э. Блинкен характеризовал как новые фронтиры для будущего, где Соединённые Штаты и Республика Корея работают вместе [29]. В качестве этих фронтиров назывались здравоохранение, киберпространство, климат, энергетика, космос [27]. Именно в этом состояло отличие в перераспределении ролей между США и Японией, США и Южной Кореей. Если в первом случае «цивилизаторская» миссия приобретала строго фиксированный географический вектор сообразно классическому архетипу фронта, то в случае Республики Корея вектор был сугубо функциональным, а «цивилизаторская» миссия имела двоякий характер. С одной стороны, предстояло освоить новые

пространства, сформировать для них правила, утвердить нормы взаимодействия в них, переместить в эти сферы людей, на что указывает упоминание слова «фронтир», который не только можно понимать как способную двигаться в географическом или функциональном смысле границу, но и как состояние разработки правоприменительной практики, перенесения связанного с ней опыта, эксперимента по применению текущего законодательства, создание специфических общественных институтов, подготовку почвы для государственного регулирования⁴. С другой стороны, эти новые сферы позволяли «цивилизовать» с помощью норм и технических новшеств не только отдельный регион, но и весь мир, поскольку в документах Госдепартамента отсутствовало упоминание каких-либо географических пространств в этом контексте.

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

Внешне может показаться, что тенденции в отношениях США со своими военно-политическими союзниками в СВА приобрели характер «делегиrowания цивилизационных полномочий», что в корне неверно. Э. Блинкен, характеризуя заслуги Б. Обамы, говорил, что его понимание азиатского подъёма поможет США определить, каким будет новый век. В течение 2009—2016 гг., по словам Э. Блинкена, США усилили в Азии порядок, основанный на правилах, нормах, институтах, углубили связи с союзниками, вкладывая силы в новую геометрию отношений и поощряя сотрудничество [28].

Это заявление свидетельствует, что все предпринимавшиеся действия служили обеспечению бесспорного регионального лидерства Соединённых Штатов, построению в соответствии с английским архетипом разветвлённой неформальной империи, пронизывающей максимально возможное количество функциональных сфер, а «делегиrowание отдельных цивилизационных функций» наиболее верным союзникам стало необходимой уступкой, позволяющей включить инокультурные общества СВА в единое с Америкой пространство. Иными словами, военно-политический и экономический фундамент отношений США с Японией и Республикой Корея Б. Обама дополнил культурно-цивилизационным. В то же время использование образа КНДР как враждебного другого, приписывание аналогичных образных функций Китаю заложили основу для последовавшего после ухода Б. Обамы с президентского поста бинарного разделения СВА на две группы государств. Первую представляли США и их союзники, вторую — враждебные Соединённым Штатам другие.

⁴ Подробнее о правовой функции фронта см.: [11, с. 63—66].

ЛИТЕРАТУРА И ИСТОЧНИКИ

1. Аликберов А.К. Человек и история в цифровую эпоху: Многомерный подход. М.: Наука, 2023. 736 с.
2. Америка против всех. Геополитика, государственность и глобальная роль США: история и современность / под ред. А.В. Яковенко, К.А. Манасенко. М.: Содружество культур, 2023. 588 с.
3. Американский капитализм в 80-е годы. Закономерности и тенденции развития экономики / под ред. Г.Е. Скорова. М.: Наука, 1986. 525 с.
4. Боуз Д. Либертарианство: история, принципы, политика. Челябинск: Социум — Институт КАТО, 2009. 392 с.
5. Великобритания и Латинская Америка (XVI—XXI вв.) / под ред. Е.А. Ларина. М.: Наука, 2022. 636 с.
6. Гаджиев К.С. Американская нация: национальное самосознание и культура. М.: Наука, 1990. 240 с.
7. Идентичность: личность, общество, политика. Новые контуры исследовательского поля / отв. ред. И.С. Семененко. М.: Весь Мир, 2023. 512 с.
8. Курилла И. Американцы и все остальные: Истоки и смысл внешней политики США. М.: Альпина Пабlishер, 2024. 320 с.
9. Овчинников В.В. Сакура и дуб. М.: АСТ, Восток — Запад, 2008. 448 с.
10. Согрин В.В. Архетипы и факторы цивилизации США // США — Канада: экономика, политика, культура. 2009. № 5. С. 3—22.
11. Супоницкая И.М. Равенство и свобода. Россия и США: сравнение систем. М.: РОССПЭН, 2010. 302 с.
12. США: политическая мысль и история / под ред. Н.Н. Яковлева. М.: Наука, 1976. 619 с.
13. Юнг К.Г. Архетипы и коллективное бессознательное. М.: Издательство АСТ, 2021. 496 с.
14. American Foreign Policy. Current Documents. 1987. Washington: Department of State, 1988. 894 p.
15. Baker J.A. Emerging Architecture for a Pacific Community // Foreign Affairs. 1991. Vol. 70. № 5. P. 1—18.
16. Berton P. Culture — Communication — Negotiation: Japan, China and the Soviet Union // International Comparative Studies of Negotiation Behavior. International Symposium. August 28—30, 1996. Kyoto, Japan / ed. by H. Kimura. Kyoto: International Research Centre for Japanese Studies, 1998. P. 175—210.
17. Brown J.D. Japan's Security Cooperation with Russia: Neutralizing the Threat of a China — Russia // International Affairs. 2018. Vol. 94. № 4. P. 861—882.
18. Increasing U.S. Auto Exports and Growing U.S. Auto Jobs Through the U.S.—South Korea Trade Agreement. URL: https://www.whitehouse.gov/sites/default/fact_sheet_increasing_us_auto_exports_us_korea_free_trade_agreement_2011.pdf (дата обращения: 06.11.2016).
19. Interview by Hillary Rodham Clinton, Secretary of State, to Global Times. U.S.—China Achievements Go Beyond Expo. May 21, 2010. URL: <http://www.state.gov/secretary/20092013clinton/rm/2010/05/142073.htm> (дата обращения: 29.09.2016).
20. Joint Statement of the 2012 United States — Republic of Korea Foreign and Defense Ministers' Meeting. June 14, 2012. URL: <http://www.state.gov/r/pa/prs/ps/2012/06/192333.htm> (дата обращения: 26.09.2016).
21. Joint Statement of the U.S.—Japan Security Consultative Committee. May 27, 2010. URL: <http://www.state.gov/r/pa/prs/ps/2010/05/142318.htm> (дата обращения: 12.09.2016).

22. Keynote Address: U.S. — China Internet Industry Forum by Robert D. Hormats, Under Secretary for Economic Growth, Energy, and the Environment. April 9, 2013. URL: <http://www.state.gov/e/rls/rmk/20092013/207490.htm> (дата обращения: 04.10.2016).
23. National Security Strategy of the United States. Washington: White House, 1990. 32 p. URL: <https://nssarchive.us/national-security-strategy-1990.pdf> (дата обращения: 25.03.2024).
24. Press Availability of Hillary Rodham Clinton, Secretary of State, With Korean Foreign Minister Yu Myung-hwan After their Meeting. July 21, 2010. URL: <http://www.state.gov/secretary/20092013clinton/rm/2010/05/142223.htm> (дата обращения: 25.09.2016).
25. Press Statement by Hillary Rodham Clinton, Secretary of State. Briefing on the Republic of Korea for the Traveling Press Corps. May 24, 2010. URL: <http://www.state.gov/secretary/20092013clinton/rm/2010/05/142135.htm> (дата обращения: 25.09.2016).
26. Press Statement by Ian Kelly, Department Spokesman. Japanese Lower House Election Results. August 30, 2009. URL: <http://www.state.gov/r/pa/prs/ps/2009/aug/128445.htm> (дата обращения: 12.09.2016).
27. Preview of the Visit of Republic of Korea President Park Geun-hye. Daniel R. Russel, Assistant Secretary, Bureau of East Asian and Pacific Affairs, Mark Lippert, Ambassador to South Korea. October 14, 2015. URL: <http://fpc.state.gov/248192.htm> (дата обращения: 28.09.2016).
28. Remarks by Antony J. Blinken, Deputy Secretary of State, at Brookings Institution. U.S. — Japan — R.O.K. Trilateral Relationship. March 29, 2016. URL: <http://www.state.gov/s/d/2016d/255277.htm> (дата обращения: 24.09.2016).
29. Remarks by Antony J. Blinken, Deputy Secretary of State, With First Vice Foreign Minister Cho Tae-yong at ROK Ministry of Foreign Affairs. October 6, 2015. URL: <http://www.state.gov/s/d/2015/248055.htm> (дата обращения: 28.09.2016).
30. Remarks by Daniel R. Russel, Assistant Secretary, Bureau of East Asian and Pacific Affairs. The United States and Japan: Allies, Global Partners, and Friends for the Future. January 13, 2015. URL: <http://www.state.gov/p/eap/rls/rm/2015/01/235903.htm> (дата обращения: 24.09.2016).
31. Remarks by Daniel R. Russel, Assistant Secretary, Bureau of East Asian and Pacific Affairs, at Center for Strategic and International Studies “Korea Going Forward” Conference. June 3, 2015. URL: <http://www.state.gov/p/eap/rls/rm/2015/06/243120.htm> (дата обращения: 28.09.2016).
32. Remarks by Hillary Rodham Clinton, Secretary of State with Japanese Foreign Minister Katsuya Okada After Their Meeting. January 12, 2010. URL: <http://www.state.gov/secretary/20092013clinton/rm/2010/01/135088.htm> (дата обращения: 12.09.2016).
33. Remarks by Hillary Rodham Clinton, Secretary of State, at Town Hall Meeting at the University of Tokyo. February 17, 2009. URL: <http://www.state.gov/secretary/20092013clinton/rm/2009a/02/117615.htm> (дата обращения: 12.09.2016).
34. Remarks by Hillary Rodham Clinton, Secretary of State, upon Arrival in Tokyo, Japan. The U.S. and Japan Collaborating to Address Global Concerns. February 16, 2009. URL: <http://www.state.gov/secretary/20092013clinton/rm/2009a/02/117349.htm> (дата обращения: 12.09.2016).
35. Remarks by Hillary Rodham Clinton, Secretary of State, With South Korean Foreign Minister Yu. The U.S. and South Korea Working Together on Regional and Global Issues. February 20, 2009. URL: <http://www.state.gov/secretary/20092013clinton/rm/2009a/02/119412.htm> (дата обращения: 25.09.2016).

36. Remarks by Hillary Rodham Clinton, Secretary of State, With South Korean Foreign Minister Kim Sung-Hwan After Their Meeting. June 24, 2011. URL: <http://www.state.gov/secretary/20092013clinton/rm/2011/06/167072.htm> (дата обращения: 26.09.2016).
37. Remarks by John Kerry, Secretary of State, on a 21st Century Pacific Partnership. April 15, 2013. URL: <http://www.state.gov/secretary/remarks/2013/04/207487.htm> (дата обращения: 23.09.2016).
38. Remarks by John Kerry, Secretary of State, With Republic of Korea Foreign Minister Yun Byung-se After Their Meeting. January 7, 2014. URL: <http://www.state.gov/secretary/remarks/2014/01/219446.htm> (дата обращения: 27.09.2016).
39. Remarks by John Kerry, Secretary of State, With Secretary of Defense Chuck Hagel, Japanese Foreign Minister Fumio Kishida and Japanese Defense Minister Itsunori Onodera. October 3, 2013. URL: <http://www.state.gov/secretary/remarks/2013/10/215073.htm> (дата обращения: 23.09.2016).
40. Remarks by Kathleen Stephens, U.S. Ambassador to South Korea. U.S.—Korea Free Trade Agreement. April 20, 2011. URL: <http://www.state.gov/p/eap/rls/rm/2011/04/161242.htm> (дата обращения: 26.09.2016).
41. Remarks by President Obama at Hankuk University. March 26, 2012. URL: <https://www.whitehouse.gov/the-press-office/2012/03/26/remarks-president-obama-hankuk-university> (дата обращения: 02.11.2016).
42. Remarks by Robert D. Hormats, Under Secretary for Economic Growth, Energy, and the Environment, Kerri-Ann Jones, Assistant Secretary, Bureau of Oceans and International Environmental and Scientific Affairs for the Signing of the Agreement between the Government of the Republic of Korea and the Government of the United States of America on Environmental Cooperation. January 23, 2012. URL: <http://www.state.gov/e/rls/rmk/20092013/2012/182522.htm> (дата обращения: 26.09.2016).
43. Remarks by William J. Burns, Deputy Secretary of State, at Press Roundtable at Embassy Tokyo. January 24, 2014. URL: <http://www.state.gov/s/d/former/burns/remarks/2014/220638.htm> (дата обращения: 23.09.2016).
44. State Capitalism and Competitive Neutrality. Remarks by Deborah A. McCarthy, Principal Deputy Assistant Secretary, Bureau of Economic and Business Affairs. March 2, 2012. URL: <http://www.state.gov/e/eb/rls/rm/2012/181520.htm> (дата обращения: 25.05.2012).
45. Testimony by James P. Zumwalt, Deputy Assistant Secretary, Bureau of East Asian and Pacific Affairs Before the House Committee on Foreign Affairs Subcommittee on Asia and the Pacific. June 6, 2012. URL: <http://www.state.gov/p/eap/rls/rm/2012/06/191869.htm> (дата обращения: 26.09.2016).
46. Testimony by Joseph R. Donovan, Jr., Principal Deputy Assistant Secretary, Bureau of East Asian and Pacific Affairs, Before the House Foreign Affairs Committee Subcommittee on Asia, the Pacific, and the Global Environment. March 17, 2010. URL: <http://www.state.gov/p/eap/rls/rm/2010/03/138481.htm> (дата обращения: 12.09.2016).

REFERENCES

1. Alikberov A.K. *Chelovek i istoriya v tsifrovuyu epokhu: Mnogomernyy podkhod* [Man and History in the Digital Age: A Multidimensional Approach]. Moscow, Nauka Publ., 2023, 736 p. (In Russ.)
2. *Amerika protiv vseh. Geopolitika, gosudarstvennost' i global'naya rol' SShA: istoriya i sovremennost'* [America against All. Geopolitics, State and

- the Global Role of the USA: History and Modernity]. Ed. by A.V. Yakovenko, K.A. Manasenko. Moscow, Sodruzhestvo kul'tur Publ., 2023, 558 p. (In Russ.)
3. *Amerikanskiy kapitalizm v 80-e gody. Zakonomernosti i tendentsii razvitiya ekonomiki* [American Capitalism in the 1980s. Patterns and Trends in Economic Development]. Ed. by G.E. Skorov. Moscow, Nauka Publ., 1986, 525 p. (In Russ.)
4. Bouz D. *Libertarianstvo: istoriya, printsipy, politika* [Libertarianism: History, Principles, Politics]. Chelyabinsk, Sotsium — Institut KATO Publ., 2009, 392 p. (In Russ.)
5. *Velikobritaniya i Latinskaya Amerika (XVI—XXI vv.)* [Great Britain and Latin America (16th — 21st Centuries)]. Ed. by E.A. Larin. Moscow, Nauka Publ., 2022, 636 p. (In Russ.)
6. Gadzhiev K.S. *Amerikanskaya natsiya: natsional'noe samosoznanie i kul'tura* [The American Nation: National Consciousness and Culture]. Moscow, Nauka Publ., 1990, 240 p. (In Russ.)
7. *Identichnost': lichnost', obshchestvo, politika. Novye kontury issledovatel'skogo polya* [Identity: Individual, Society and Politics. New Horizons of the Research Field]. Executive ed. I.S. Semenenko. Moscow, Ves' Mir Publ., 2023, 512 p. (In Russ.)
8. Kurilla I. *Amerikantsy i vse ostal'nye: Istoki i smysl vneshney politiki SShA* [Americans and Everyone Else: Origins and Meaning of U.S. Policy]. Moscow, Al'pina Publisher Publ., 2024, 320 p. (In Russ.)
9. Ovchinnikov V.V. *Sakura i dub* [Sakura and Oak]. Moscow, AST, Vostok — Zapad Publ., 2008, 448 p. (In Russ.)
10. Sogrin V.V. Arkhetipy i faktory tsivilizatsii SShA [Archetypes and Civilizational Factors of the USA]. *SShA — Kanada: ekonomika, politika, kul'tura*, 2009, no. 5, pp. 3—22. (In Russ.)
11. Suponitskaya I.M. *Ravenstvo i svoboda. Rossiya i SShA: sravnenie sistem* [Equality and Freedom. Russia and the USA: A Comparison of the Systems]. Moscow, ROSSPEN Publ., 2010, 302 p. (In Russ.)
12. *SShA: politicheskaya mysl' i istoriya* [The USA: Political Thought and History]. Ed. by N.N. Yakovlev. Moscow, Nauka Publ., 1976, 619 p. (In Russ.)
13. Yung K.G. *Arkhetipy i kollektivnoe bessoznatel'noe* [The Archetypes and the Collective Unconscious]. Moscow, Izdatel'stvo AST Publ., 2021, 496 p. (In Russ.)
14. *American Foreign Policy. Current Documents. 1987*. Washington, Department of State Publ., 1988, 894 p. (In Eng.)
15. Baker J.A. Emerging Architecture for a Pacific Community. *Foreign Affairs*, 1991, vol. 70, no. 5, pp. 1—18. (In Eng.)
16. Berton P. Culture — Communication — Negotiation: Japan, China and the Soviet Union. *International Comparative Studies of Negotiation Behavior*. International Symposium. August 28—30, 1996. Ed. by H. Kimura. Kyoto, Japan. Kyoto, International Research Centre for Japanese Studies Publ., 1998, pp. 175—210. (In Eng.)
17. Brown J.D. Japan's Security Cooperation with Russia: Neutralizing the Threat of a China — Russia. *International Affairs*, 2018, vol. 94, no. 4., pp. 861—882. (In Eng.)
18. *Increasing U.S. Auto Exports and Growing U.S. Auto Jobs Through the U.S. — South Korea Trade Agreement*. Available at: https://www.whitehouse.gov/sites/default/fact_sheet_increasing_us_auto_exports_us_korea_free_trade_agreement_2011.pdf (accessed 06.11.2016). (In Eng.)
19. *Interview by Hillary Rodham Clinton, Secretary of State, to Global Times. U.S. — China Achievements Go Beyond Expo*. May 21, 2010. Available at: <http://www.state.gov/secretary/20092013clinton/rm/2010/05/142073.htm> (accessed 29.09.2016). (In Eng.)

20. *Joint Statement of the 2012 United States—Republic of Korea Foreign and Defense Ministers' Meeting*. June 14, 2012. Available at: <http://www.state.gov/r/pa/prs/ps/2012/06/192333.htm> (accessed 26.09.2016). (In Eng.)
21. *Joint Statement of the U.S.—Japan Security Consultative Committee*. May 27, 2010. Available at: <http://www.state.gov/r/pa/prs/ps/2010/05/142318.htm> (accessed 12.09.2016). (In Eng.)
22. *Keynote Address: U.S.—China Internet Industry Forum by Robert D. Hormats, Under Secretary for Economic Growth, Energy, and the Environment*. April 9, 2013. Available at: <http://www.state.gov/e/rls/rmk/20092013/207490.htm> (accessed 04.10.2016). (In Eng.)
23. *National Security Strategy of the United States*. Washington, White House Publ., 1990, 32 p. Available at: <https://nssarchive.us/national-security-strategy-1990.pdf> (accessed 25.03.2024). (In Eng.)
24. *Press Availability of Hillary Rodham Clinton, Secretary of State, With Korean Foreign Minister Yu Myung-hwan After their Meeting*. July 21, 2010. Available at: <http://www.state.gov/secretary/20092013clinton/rm/2010/05/142223.htm> (accessed 25.09.2016). (In Eng.)
25. *Press Statement by Hillary Rodham Clinton, Secretary of State. Briefing on the Republic of Korea for the Traveling Press Corps*. May 24, 2010. Available at: <http://www.state.gov/secretary/20092013clinton/rm/2010/05/142135.htm> (accessed 25.09.2016). (In Eng.)
26. *Press Statement by Ian Kelly, Department Spokesman. Japanese Lower House Election Results*. August 30, 2009. Available at: <http://www.state.gov/r/pa/prs/ps/2009/aug/128445.htm> (accessed 12.09.2016). (In Eng.)
27. *Preview of the Visit of Republic of Korea President Park Geun-hye. Daniel R. Russel, Assistant Secretary, Bureau of East Asian and Pacific Affairs, Mark Lippert, Ambassador to South Korea*. October 14, 2015. Available at: <http://fpc.state.gov/248192.htm> (accessed 28.09.2016). (In Eng.)
28. *Remarks by Antony J. Blinken, Deputy Secretary of State, at Brookings Institution. U.S.—Japan—R.O.K. Trilateral Relationship*. March 29, 2016. Available at: <http://www.state.gov/s/d/2016d/255277.htm> (accessed 24.09.2016). (In Eng.)
29. *Remarks by Antony J. Blinken, Deputy Secretary of State, With First Vice Foreign Minister Cho Tae-yong at ROK Ministry of Foreign Affairs*. October 6, 2015. Available at: <http://www.state.gov/s/d/2015/248055.htm> (accessed 28.09.2016). (In Eng.)
30. *Remarks by Daniel R. Russel, Assistant Secretary, Bureau of East Asian and Pacific Affairs. The United States and Japan: Allies, Global Partners, and Friends for the Future*. January 13, 2015. Available at: <http://www.state.gov/p/eap/rls/rm/2015/01/235903.htm> (accessed 24.09.2016). (In Eng.)
31. *Remarks by Daniel R. Russel, Assistant Secretary, Bureau of East Asian and Pacific Affairs, at Center for Strategic and International Studies "Korea Going Forward" Conference*. June 3, 2015. Available at: <http://www.state.gov/p/eap/rls/rm/2015/06/243120.htm> (accessed 28.09.2016). (In Eng.)
32. *Remarks by Hillary Rodham Clinton, Secretary of State with Japanese Foreign Minister Katsuya Okada After Their Meeting*. January 12, 2010. Available at: <http://www.state.gov/secretary/20092013clinton/rm/2010/01/135088.htm> (accessed 12.09.2016). (In Eng.)
33. *Remarks by Hillary Rodham Clinton, Secretary of State, at Town Hall Meeting at the University of Tokyo*. February 17, 2009. Available at: <http://www.state.gov/secretary/20092013clinton/rm/2009a/02/117615.htm> (accessed 12.09.2016). (In Eng.)
34. *Remarks by Hillary Rodham Clinton, Secretary of State, upon Arrival in Tokyo, Japan. The U.S. and Japan Collaborating to Address Global Concerns*.

- February 16, 2009. Available at: <http://www.state.gov/secretary/20092013clinton/rm/2009a/02/117349.htm> (accessed 12.09.2016). (In Eng.)
35. *Remarks by Hillary Rodham Clinton, Secretary of State, With South Korean Foreign Minister Yu. The U.S. and South Korea Working Together on Regional and Global Issues.* February 20, 2009. Available at: <http://www.state.gov/secretary/20092013clinton/rm/2009a/02/119412.htm> (accessed 25.09.2016). (In Eng.)
36. *Remarks by Hillary Rodham Clinton, Secretary of State, With South Korean Foreign Minister Kim Sung-Hwan After Their Meeting.* June 24, 2011. Available at: <http://www.state.gov/secretary/20092013clinton/rm/2011/06/167072.htm> (accessed 26.09.2016). (In Eng.)
37. *Remarks by John Kerry, Secretary of State, on a 21st Century Pacific Partnership.* April 15, 2013. Available at: <http://www.state.gov/secretary/remarks/2013/04/207487.htm> (accessed 23.09.2016). (In Eng.)
38. *Remarks by John Kerry, Secretary of State, With Republic of Korea Foreign Minister Yun Byung-se After Their Meeting.* January 7, 2014. Available at: <http://www.state.gov/secretary/remarks/2014/01/219446.htm> (accessed 27.09.2016). (In Eng.)
39. *Remarks by John Kerry, Secretary of State, With Secretary of Defense Chuck Hagel, Japanese Foreign Minister Fumio Kishida and Japanese Defense Minister Itsunori Onodera.* October 3, 2013. Available at: <http://www.state.gov/secretary/remarks/2013/10/215073.htm> (accessed 23.09.2016). (In Eng.)
40. *Remarks by Kathleen Stephens, U.S. Ambassador to South Korea. U.S. — Korea Free Trade Agreement.* April 20, 2011. Available at: <http://www.state.gov/p/eap/rls/rm/2011/04/161242.htm> (accessed 26.09.2016). (In Eng.)
41. *Remarks by President Obama at Hankuk University.* March 26, 2012. Available at: <https://www.whitehouse.gov/the-press-office/2012/03/26/remarks-president-obama-hankuk-university> (accessed 02.11.2016). (In Eng.)
42. *Remarks by Robert D. Hormats, Under Secretary for Economic Growth, Energy, and the Environment, Kerri-Ann Jones, Assistant Secretary, Bureau of Oceans and International Environmental and Scientific Affairs for the Signing of the Agreement between the Government of the Republic of Korea and the Government of the United States of America on Environmental Cooperation.* January 23, 2012. Available at: <http://www.state.gov/e/rls/rmk/20092013/2012/182522.htm> (accessed 26.09.2016). (In Eng.)
43. *Remarks by William J. Burns, Deputy Secretary of State, at Press Roundtable at Embassy Tokyo.* January 24, 2014. Available at: <http://www.state.gov/s/d/former/burns/remarks/2014/220638.htm> (accessed 23.09.2016). (In Eng.)
44. *State Capitalism and Competitive Neutrality. Remarks by Deborah A. McCarthy, Principal Deputy Assistant Secretary, Bureau of Economic and Business Affairs.* March 2, 2012. Available at: <http://www.state.gov/e/eb/rls/rm/2012/181520.htm> (accessed 25.05.2012). (In Eng.)
45. *Testimony by James P. Zumwalt, Deputy Assistant Secretary, Bureau of East Asian and Pacific Affairs Before the House Committee on Foreign Affairs Subcommittee on Asia and the Pacific.* June 6, 2012. Available at: <http://www.state.gov/p/eap/rls/rm/2012/06/191869.htm> (accessed 26.09.2016). (In Eng.)
46. *Testimony by Joseph R. Donovan, Jr., Principal Deputy Assistant Secretary, Bureau of East Asian and Pacific Affairs, Before the House Foreign Affairs Committee Subcommittee on Asia, the Pacific, and the Global Environment.* March 17, 2010. Available at: <http://www.state.gov/p/eap/rls/rm/2010/03/138481.htm> (accessed 12.09.2016). (In Eng.)

Дата поступления в редакцию 24.01.2025